

Региональная инвестиционная политика: проблемы и перспективы (на примере Чеченской Республики)

© 2013 Султыгова Айна Ахмедовна

кандидат экономических наук, доцент

Московский автомобильно-дорожный государственный технический
университет (МАДИ)

E-mail: dzh9473@yandex.ru

Анализируются проблемы и перспективы инвестиционной политики России и отдельно взятого ее региона, в частности Чеченской Республики. В современных условиях, прежде чем модернизировать экономику и для того, чтобы ее модернизировать, необходимо пересмотреть действующую экономическую модель. В противном случае одни регионы будут строить капитализм с русской спецификой, другие - с кавказской, а третьи - с якутской.

Ключевые слова: региональная экономика, Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), финансовые рынки и инвестиционная непривлекательность, дотационность, российский банкинг, северо-кавказский банковский сектор, “исламский банкинг”.

Экономический рост любой страны во многом зависит от состояния экономики ее регионов: чем успешнее регионы, тем богаче страна. Если за критерий успешности взять дотационность, то 70 из 83 субъектов РФ являются дотационными, т.е. экономически несамодостаточными. Причем удельный вес дотаций возрастает по мере удаленности региона от столицы. Так, средняя величина дотаций в расчете на одного жителя Чеченской Республики в 2,7 раза, а в Камчатском крае в 17,2 раза выше среднероссийского уровня. В то же время житель Ярославской области получает в 9,6 раза меньше дотаций, чем среднестатистический россиянин.

Однако дотационность не всегда является следствием экономической несостоятельности региона. Существенным фактором может служить налоговая политика государства. Как известно, все доходы, полученные в регионах в рамках НДС, перечисляются сегодня в федеральный бюджет. Если оставить на местах хотя бы половину этих доходов, то число дотационных регионов может сократиться с 70 до 4, в том числе: Республика Алтай, Республика Ингушетия, Республика Тыва, Чеченская республика¹. В этих республиках дотационность сохранится некоторое время даже в случае зачисления в местные бюджеты 100 % НДС.

Острота данной проблемы заставляет власть искать способы ее решения. В последнее время часто говорят об укрупнении российских регионов, сокращения чуть ли не в 2 раза их численности. Совсем недавно эту идею поддержала В. Матвиенко - Председатель Совета Федерации РФ.

Предполагается, что такая перекройка повысит управляемость страной и сократит число

экономически слаборазвитых регионов. В действительности никакими расчетами эта идея пока не подкреплена. Единственный выигрыш от ее реализации мог бы заключаться в кардинальном сокращении бюрократии и расходов на ее содержание.

Однако самоограничение и самосокращение нашего чиновничества - вещи абсолютно нереальные. Тут одно из двух: либо разновидность административного зуда, охватившего вдруг бюрократию, либо лукавая попытка прикрыть “глобальной” идеей укрупнения регионов свою неспособность продвинуть страну на новые высоты социально-экономического развития.

Бесспорно, совершенствование региональной политики является одним из условий ускоренного развития страны. Но может ли территориальная перекройка решить главную проблему, которая, по утверждению Президента России В.В. Путина, состоит в необходимости “ежегодного роста не менее 5-6 % ВВП в ближайшее десятилетие”²? Решение этой проблемы зависит не от того, где проходят границы между субъектами нашей федерации, а от наличия в них современного кадрового потенциала и эффективных рыночных институтов, от инвестиционного климата и притока капитала, от политики стимулирования производства, от господства закона, а не бюрократии и т.д. Как раз эти проблемные позиции и должны быть предметом региональной политики. В одних регионах страны они решаются более успешно, чем в других, что выражается в частности в рейтингах их инвестиционной привлекательности. Что характерно - чем выше инвестиционный рейтинг региона, тем сильнее развиты в нем рыночные регуляторы

экономики. Напротив, в регионах с низким инвестиционным рейтингом рыночные институты слабо развиты или отсутствуют вовсе. В них экономика регулируется не столько “невидимой рукой” рынка, сколько явной административной рукой со всеми сопутствующими явлениями, включая криминальные. Если одни регионы стали лидерами капиталистического развития, то в других до сих пор нет ясности относительно того, какой строй там воцарился. Далекое не случайное Р. Абдулатипов при назначении его руководителем Дагестана обронил фразу о том, что пока в России строили капитализм, в его родной республике построили феодализм.

Региональная специфика, как и национальная, неизбежна. Она объективно существует и нельзя ею пренебрегать при выработке политики. Вместе с тем, недопустимо подстраивать под эту специфику общие правила рынка, принятые в стране. Специфика может усиливать или ослаблять позиции “игрока” на поле рынка, но не должна вести к ломке этих правил. В противном случае одни регионы будут строить капитализм с русской спецификой, другие - с кавказской, а третьи - с якутской. В целом же, получится, как в известной басне А. Крылова про лебедя, рака и щуку. Такая опасность реально существует, а вступление России в ВТО “может усугубить неравномерность нашего регионального развития”³. Поэтому важнейшая проблема, стоящая перед властью, заключается не в том, чтобы объединить “лебедя с раком” или “рака с щукой” и лепить непонятный гибрид, а в том, чтобы поднимать отстающие регионы до уровня передовых по степени развития инфраструктуры, в том числе рыночной.

В первую очередь указанное относится к северокавказским республикам. Являясь общепризнанными инвестиционно непривлекательными и дотационными регионами России, они, тем не менее, нуждаются не столько в деньгах, сколько в реформах, создающих стимулы к развитию. Как справедливо отмечают эксперты, на Северном Кавказе “без системных институциональных и структурных преобразований ничего, кроме негатива, не выйдет”⁴.

Самой важной проблемой в данном контексте является институализация частной собственности на землю. В постсоветский период в республиках Северного Кавказа приватизация земли постоянно откладывалась из-за опасения, что в условиях малоземелья она приведет к социальным потрясениям. Приватизировалось все, кроме земли. В Чечне в период правления Д. Дудаева земля вообще была объявлена собственностью Аллаха и в принципе не подлежала приватизации.

Бывшие общегосударственные земли, включая совхозные, переводились в разряд республиканских земель. Формально земля является сейчас собственностью республик, а фактически ею распоряжается местная бюрократия по своему усмотрению и в собственных интересах. Это ведет к архаизму в земельных отношениях, тормозит развитие капитализма в сельском хозяйстве, отпугивает инвесторов и стимулирует то, чего опасались, - социальную напряженность. Ситуация накаляется так быстро, что кое-где местные власти сами инициируют теперь земельную реформу⁵. Федеральному центру следует поддержать этот запоздалый порыв, не допуская однако “прихватазации” земли - важнейшего фактора производства - республиканской бюрократией. Иначе вместо современных агроферм возникнет подобие средневековых феодальных поместий.

Среди значимых причин инвестиционной непривлекательности Северного Кавказа следует выделить неразвитость таких рыночных институтов, как банки и фондовые биржи. На Северном Кавказе нет вообще рынка ценных бумаг, т.е. фондового рынка⁶. Невозможно поэтому определить реальный уровень капитализации предприятий. Никто не знает их рыночной цены, а традиционный рыночный инструмент привлечения инвестиций - купля-продажа акций - не работает. Северному Кавказу не хватает финансовых институтов. Доля кредитных учреждений составляет лишь 5-6 % от их численности в стране. В банковском секторе доминируют 2-3 федеральных банка с государственным участием: Россельхозбанк, Сбербанк и ВТБ. В Чеченской Республике вообще нет самостоятельного регионального банка. Впрочем, есть в этом как отрицательный, так и положительный момент. Концепция социально-экономического развития Российской Федерации исходит из того, что каждый регион должен иметь “необходимые и достаточные ресурсы для обеспечения комплексного развития экономики региона”⁷. Отсутствие самостоятельного регионального банка ведет к перетоку местных финансовых ресурсов в федеральные банки, которые заинтересованы не столько в росте экономики региона, сколько в максимизации прибыли. Региональный банк тоже заинтересован в увеличении прибыли, но не прямо, а опосредованно - через стимулирование экономического роста в регионе. С другой стороны, отсутствие регионального банка удерживает местное руководство от соблазна решать проблему бюджетного дефицита путем увеличения госдолга за счет банковских кредитов. Такой ситуации нет в Чеченской Республике. По состоянию на 1 января 2012 г. доля банковских кредитов в

структуре госдолга республики равнялась 0 %, что является редкостью в России. Конечно, у Чеченской Республики есть госдолг, но он на 91 % состоит из кредитов федерального бюджета, что говорит, в частности, о высокой степени доверия федерального центра к республике⁸.

Активы северо-кавказского банковского сектора недостаточны для формирования необходимого кредитного ресурса. На долю этих активов приходится менее 1 % банковских активов России. Регион занимает последнее место в стране по показателям кредитования реального сектора экономики и населения, по объему привлеченных банками денежных средств населения⁹.

Нехватка финансовых институтов, отсутствие конкуренции на данном рынке способствуют монополизации кредитных ресурсов и их дороговизне. На этом фоне появляются разные незаконные финансовые схемы, по которым кредит становится не инструментом инвестиций в экономику, а способом обогащения банковских работников и состоящих с ними в сговоре заемщиков. Нашумевшая недавно история банковских афер в Дагестане - лишнее тому подтверждение. Борьба с этими коррупционными явлениями только силами правоохранительных органов к успеху не приведет. Главное средство борьбы - усиление конкуренции между кредитными институтами, недопущение монополизации в этом секторе, формирование доступных и понятных кредитных продуктов. В целом, как отмечают специалисты, северо-кавказский банковский сектор "не способен обеспечить решение задач стратегического развития, модернизации и интенсивного роста экономического, социального и кадрового потенциалов..."¹⁰.

Соглашаясь с приведенным жестким выводом, хочется отметить, что справедлив он по большому счету по отношению ко всей банковской системе России. По мнению большинства исследователей, банковские кредиты в России не стали источником инвестиций для долговременного экономического роста по причине их дороговизны (до 20 % годовых) и краткосрочности (доля "длинных" денег в кредитном портфеле составляет менее 10 %)¹¹. Вот как характеризует ситуацию академик РАН А.Г. Аганбегян: "Все кредиты банков обеспечивают лишь около 10 % общих инвестиций. Фактически банковская система самоустранилась от того, чтобы обеспечивать самое главное - экономический рост страны"¹². На Северном Кавказе, в отличие от России в целом, банки не дают, к сожалению, и 10 % инвестиций. В этом проблема.

Политика банков вынуждает отечественных предпринимателей обращаться к иностранным

кредитным источникам. Общий объем российских корпоративных заимствований за границы достиг 500 млрд долл., т.е. сопоставим с золото-валютными резервами страны. Что касается северо-кавказского бизнеса, то его доступ к иностранным кредитам практически закрыт, в том числе из-за эскалации негативной информации о регионе со стороны российских и зарубежных СМИ.

Среди критиков российской банковской системы особняком стоят те, которые вообще отвергают рыночные инвестиции, особенно иностранные, как основной источник развития. По их мнению, обеспечить прорыв России в научно-техническом прогрессе могут только государственные нерыночные инвестиции, а рыночные инвестиции, включая банковские кредиты, могут играть лишь вспомогательную роль¹³.

В Правительстве России придерживаются иной позиции. В частности, министр финансов РФ А. Силуанов, выступая на международной конференции "Россия и мир: вызовы интеграции", заявил, что на каждую копейку бюджетных инвестиций надо привлечь "больше пяти, десяти копеек частного капитала - весь мир на это работает..."¹⁴.

Общая ситуация на финансовых рынках заставляет северо-кавказский бизнес искать альтернативные источники инвестиций. В регионе набирает популярность идея такого нетипичного финансового института, как "исламский банкинг"¹⁵. Не вдаваясь в подробности механизма функционирования этого действительно интересного финансово-инвестиционного института, следует сказать, что идея в целом бесперспективна в условиях сегодняшней России. Дело в том, что исламский банкинг построен на запрете любого ростовщичества, включая банковский процент. Понятие "кредит" в исламском банке не существует. Интерес исламского банкинга обеспечивается не фиксированными процентными ставками, а долей прибыли от прямых инвестиций в производственный сектор и торговлю. Российский банкинг строится на прямо противоположных принципах. В ст. 5 Федерального закона "О банках и банковской деятельности" записано, что "кредитным организациям запрещается заниматься производством, торговлей и страховой деятельностью"¹⁶. Понятно, что в рамках российского банковского законодательства исламскому банку, как отдельному виду финансового института, не выжить и источником серьезных инвестиций не стать. Можно его рассматривать как дополнительный источник инвестиций в регионах с преимущественно исламским населением, включая северокавказские рес-

публики. Однако опыт Дагестана свидетельствует, что идея исламского банкинга не приживается пока и здесь. Единственный в республике банк “Экспресс”, который практиковал отдельные элементы, так называемые “окна” исламского банкинга, был недавно закрыт по причине банкротства¹⁷.

Инвестиционная непривлекательность Северного Кавказа, в том числе по причине слабозрелости финансовых институтов, может поставить под угрозу срыва государственную программу “Развитие Северо-Кавказского федерального округа” на период до 2025 г. Согласно этому документу в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) планируется привлечь внебюджетные инвестиции на сумму свыше 17,7 трлн руб. и сверх того - иностранные инвестиции в размере 15,4 млрд долл. Таким образом, за 2011-2025 гг. ежегодно в регион должно инвестироваться в среднем 1,2 трлн руб. Масштаб инвестиций явно выходит за пределы возможностей финансового рынка Северного Кавказа. Поэтому источники инвестиций придется искать по всей стране и за ее пределами. Решить эту проблему разрозненными усилиями субъектов РФ, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, невозможно по определению. Необходимо поэтому действовать “единым фронтом”, что предполагает целостный концептуальный подход к Северному Кавказу. Речь идет о предпочтительности формирования единого северо-кавказского (еще лучше южно-российского) экономического комплекса, основанного, во-первых, на разделении труда между субъектами РФ, входящими в СКФО, с учетом их конкурентных преимуществ друг перед другом и, во-вторых, интегрированного в народно-хозяйственный комплекс страны на базе общероссийской системы разделения труда. Обычно эксперты акцентируют внимание на втором аспекте проблемы, справедливо полагая, что на Северном Кавказе “поощрять... следует только те производства, которые стыкуются с общероссийской системой разделения труда и повышают эффективность национального хозяйства России, а не отдельно взятой региональной экономики”¹⁸.

Действительно, без интеграции Северного Кавказа в общероссийский хозяйственный комплекс постоянно будут воспроизводиться центристские настроения и тенденции. Не менее важна в этом плане внутренняя северокавказская экономическая интеграция. Формирование общей экономики региона по принципу кооперации усилит его позиции на российском рынке, ускорит решение общих социальных проблем, в частности проблемы безработицы, суще-

ственно смягчит проблему дотационности. Преодолеть эти и многие другие проблемы вряд ли удастся, если оставаться в рамках политики распыления средств на поддержку изолированных и конкурирующих друг с другом маломощных экономик северо-кавказских республик. Именно интеграционная направленность должна быть критерием господдержки инвестиционных проектов на Северном Кавказе. В самом деле, нет экономического смысла в том, чтобы в каждой республике строить свой цементный завод, свою электростанцию, свой туристический комплекс и т.д. Такой подход подрывает потенциал развития северокавказских регионов, ослабляет их позиции на соответствующих рынках. Не следует забывать, что “крупным... инвестором, в первую очередь, интересны комплексные стратегические проекты развития... способные обеспечить значительный вклад в развитие округа... и максимальную синергию”¹⁹. К примеру, сегодня нефть добывается в нескольких регионах Северного Кавказа, а нефтеперерабатывающего комплекса нет ни в одном. Грозненский нефтехимический промышленный узел, созданный в советское время, уничтожен в ходе двух военных компаний. Поэтому назрела необходимость строительства нового нефтеперерабатывающего комплекса. Очевидно, что при прочих равных условиях наиболее подходящим местом является г. Грозный. Конечно, здесь нет теперь того научно-технического и кадрового потенциала, как в прежние времена, но его нет и у соседей. Преимущество Грозного в том, что он лидирует в регионе по добыче нефти (2 млн т в год). В Чеченской Республике сохранились подземные хранилища и разветвленная трубопроводная система, что важно для снижения издержек хранения и транспортировки нефти и продуктов ее переработки. Кроме того, в Грозном функционирует единственный в регионе центр подготовки кадров - нефтяной институт. Однако в одиночку Грозный не сможет решить все проблемы, связанные со строительством нефтеперерабатывающего завода. Такая задача под силу федеральному центру с финансированием из госбюджета, что, однако, не предусмотрено программой развития СКФО до 2025 г. Поэтому строить объект мощностью 1 млн т нефти в год и стоимостью 17 млрд руб. планирует ОАО «НК «Роснефть»». Есть и другие примеры участия естественных монополий России в развитии Северного Кавказа. Сегодня они реализуют в регионе 100 инвестиционных проектов на сумму более 115 млрд руб. Всего в инвестиционный план СКФО на 2011-2025 гг. включено 800 проектов на сумму свыше 3 трлн руб.²⁰ Бесспорно, это

важный вклад в строительство экономики отстающего региона. Вместе с тем, надо понимать, что инвесторы преследуют свои коммерческие интересы, т.е. нацелены на увеличение прибыли. Их мало беспокоит вопрос комплексного развития региона. Для решения этой проблемы создана Корпорация развития Северного Кавказа. На наш взгляд, для ее успешной работы одних бюджетных средств будет недостаточно ни с количественной, ни с качественной стороны. Необходимо создать в СКФО, по крайней мере, еще один институт - Северо-Кавказский банк реконструкции и развития (СКБРР) с участием в его уставном капитале всех субъектов РФ, входящих в СКФО. Работая совместно с Корпорацией развития Северного Кавказа, банк стал бы ускорителем экономического роста с опорой на собственные ресурсы. До тех пор пока в регион через такие рыночные институты не пойдут частные инвестиции, включая денежные накопления населения, невозможно облагородить инвестиционный образ Северного Кавказа.

Сегодня наиболее привлекательным для инвестиций в СКФО является Ставропольский край, хотя и он относится лишь к среднему уровню инвестиционной привлекательности в сравнении с другими субъектами РФ²¹. Более 60 % прироста новых инвестиционных проектов в СКФО приходится на долю Ставрополя, т.е. Северный Кавказ “пока растет в основном за счет одного региона”²².

В национальных республиках СКФО ситуация существенно хуже. Чеченская Республика, к примеру, несмотря на впечатляющие успехи, достигнутые за короткий срок в ликвидации послевоенной разрухи, остается в числе регионов с наименьшим рейтингом инвестиционной привлекательности. Если в Белгородской области средневзвешенный риск для инвестора составляет 0,164 (минимальный), то в Чеченской Республике - 0,600 (максимальный). Причем самое отрицательное влияние на инвестиционный рейтинг Чеченской Республики оказывают финансовый и криминальный риски, по которым республика занимает, соответственно, последнее и предпоследнее места среди субъектов РФ. В то же время по управленческому риску для инвестора Чечня занимает 66-е место в РФ, опередив Новосибирскую область (67-е место) и Москву (68-е место)²³. В целом, Чеченская Республика практического интереса для инвесторов не представляет. Руководство республики принимает меры, направленные на улучшение ситуации. В республике создана солидная нормативно-правовая база под развитие инвестиционной деятельности: Закон “Об инвестициях и гарантиях ин-

весторам в Чеченской Республике”, Закон “Об иностранных инвестициях в Чеченской Республике”, Закон “О порядке предоставления государственных гарантий для привлечения кредитных ресурсов на нужды Чеченской Республики” и другие акты, гарантирующие защиту прав инвесторов и поддержку инвестиционной деятельности. Предусмотрены также налоговые льготы, в частности, ставка налога на прибыль самая низкая в стране - 5 %. Такая политика приносит определенную пользу. За 2006-2011 гг. в республику привлечено свыше 90 млрд руб. внебюджетных инвестиций, а весь объем инвестиций в экономику и социальную сферу составил в этот период 286,2 млрд руб.²⁴

Несмотря на принимаемые меры, общее состояние экономики и инвестиционный климат остаются, с точки зрения инвестора, неблагоприятными. О положении дел в экономике республики говорит тот факт, что она дает в местный бюджет лишь 13,1 % всех доходов, а 86,9 % доходов формируются за счет федеральных дотаций. В республике не налажено производство товаров повседневного спроса. Рынок забит привозной, в основном иностранной продукцией. Промышленность утратила конкурентоспособность из-за отсутствия средств на реконструкцию и модернизацию. Нарастает дефицит квалифицированных инженерных и рабочих кадров. Крайне ограничен доступ к кредитным ресурсам. По данным статистики, в 2012 г. более 88 % промышленных предприятий были убыточными. Размер убытков составил 5,7 млрд руб., а прибыли - 1,2 млрд руб., т.е. промышленность сработала с отрицательным сальдо в 4,5 млрд руб.²⁵

Недостаток собственных средств предприятий, в том числе для обязательств по кредитам, не дает им возможность полноценно участвовать в программах госгарантий России. “В этой связи с 2009 г. остаются неиспользованными госгарантии Российской Федерации по инвестиционным проектам на территории Чеченской Республики, предусмотренные в федеральном бюджете”²⁶.

Преодоление данных проблем и выход Чеченской Республики к 2025 г. на среднероссийский уровень по всем отраслям экономики и социального развития - такова стратегическая задача, поставленная Правительством России в госпрограмме “Обеспечение устойчивого развития Чеченской Республики” (Подпрограмма 5 госпрограммы “Развитие СКФО на период до 2025 г.”). Согласно программы за 2011-2025 гг. в Чеченской Республике объем ВРП на душу населения вырастет с 55,2 тыс. руб. до 163,2 тыс. руб., т.е.

почти в 3 раза. Объем инвестиций на душу населения вырастет за тот же период с 36,8 тыс. руб. до 69,4 тыс. руб., т.е. в 1,9 раза. Иностранные инвестиции должны вырасти с 54,9 тыс. долл. на человека в 2014 г. до 121,4 тыс. долл. в 2025 г., т.е. в 2,2 раза.

Среднегодовые темпы роста ВРП республики в 2011 – 2025 гг. составят 7,5 %, что впечатляет – ведь для России в целом темпы роста будут равны 5–6 % в год. Теоретически для поддержания темпов роста в 7,5 % норма накопления должна быть на уровне 40 %²⁷. В Чеченской Республике этот показатель будет существенно выше – 57,8 % в год, т.е. больше половины ВРП будет инвестироваться в основной капитал. Строго говоря, при такой высокой норме накопления экономика должна расти в среднем на 9–10 % в год. Отсутствие в данном случае корреляции между этими показателями говорит о чрезмерно завышенных инвестиционных ожиданиях. В самом деле, за 2011–2025 гг. в основной капитал республики планируется инвестировать из внебюджетных источников 1,38 трлн руб., а также 994,4 млн долл. иностранных инвестиций. Общий объем инвестиций (с учетом иностранных) составит 1,4 трлн руб., т.е. в среднем более 93 млрд руб. в год. Кроме того, в 2011–2020 гг. в развитие социальной инфраструктуры будет инвестировано 11,8 млрд руб. федеральных бюджетных денег. Если верить этим планам, то Чечню ожидает настоящий инвестиционный бум: в предстоящие 15 лет среднегодовой объем внебюджетных инвестиций в 6 раз должен превысить аналогичный показатель за 2000–2011 гг. Реальность такой инвестиционной программы вызывает сомнения. Во-первых, в настоящее время в Чечне нет готовых к реализации масштабных инвестиционных проектов. Именно по этой причине, как отмечалось выше, с 2009 г. остаются неиспользованными федеральные внебюджетные средства, предназначенные для Чечни в качестве гарантий по инвестиционным проектам. Если суммировать все относительно масштабные инвестиционные проекты, как находящиеся в стадии проработки (Грозненский нефтеперерабатывающий завод), так и в стадии реализации (“Ведучи”, “Казеной Ам”, “Казбек”), то их общая стоимость составит порядка 30 млрд руб. Между тем госпрограмма развития Чеченской Республики предусматривает на 2011–2012 гг. инвестиций на сумму свыше 117 млрд руб. Это почти в 4 раза превышает стоимость всех реальных и потенциальных инвестиционных проектов, имеющих в настоящее время в Чечне, что дает основание утверждать: инвестиционная программа республики не согласуется с ее реальными

возможностями. Непонятно поэтому, как Чечня собирается увеличить к 2014 г. объем промышленного производства в 45 раз (!) по сравнению с 2010 г.²⁸ Это возможно, если случится “чеченское экономическое чудо”, но чудеса в экономике сами по себе не происходят. Во-вторых, все эти инвестиционные “нестыковки” свидетельствуют о том, что источник инвестиций не определен, инвестор не известен, механизм привлечения инвестиций не проработан.

В данной связи важно в принципе разобраться, из каких источников, кроме бюджетных, Чечня могла бы получать средства для инвестиций в экономику. Реальным источником могут быть средства от приватизации имущества, находящегося под юрисдикцией Чеченской Республики. Речь идет о продаже убыточных промышленных предприятий и земли. В республике нет фондового рынка, поэтому определить рыночную цену, т.е. уровень капитализации республиканского имущества, трудно. Решить проблему можно через аукционную продажу по законам РФ. Если за стартовую цену взять стоимость годового объема продукции производимой республиканскими промышленными предприятиями, то доход от их продажи составит порядка 10 млрд руб. Вторым важным приватизационным ресурсом является земля. Сельхозугодья Чечни составляют 54 % всех земельных ресурсов – 852 тыс. га, в том числе 182 тыс. га пашни. Рынка земли в современном понимании в республике также нет, поэтому определять цену земли можно косвенным образом, а именно: на базе цен, по которым население осуществляет куплю-продажу земли вне городов и с учетом цены земли в соседнем Ставропольском крае, где земельный рынок развивается. Полученная таким расчетным путем цена земли колеблется в пределах 850–900 тыс. руб. за 1 га пашни, т.е. в среднем 875 тыс. руб. за 1 га. Если по этой цене приватизировать лишь 10 % пашни (18 тыс. га) с условием, что будущий собственник использует ее в производственных целях, то доход республики составит 15–16 млрд руб. В дальнейшем с учетом приобретенного опыта и социального резонанса можно составить вопрос о расширении масштабов приватизации земли.

Приватизация промышленных предприятий и части сельхозугодий принесет республике порядка 20–25 млрд руб. дохода. Эти деньги следовало бы инвестировать в развитие рыночной инфраструктуры, в том числе в равной мере банков и инвестиционных институтов. Можно учредить 10 самостоятельных банков с совокупным уставным капиталом 10 млрд руб. и еще 10–15 млрд руб. направить на создание инвести-

ционного фонда. Имея такие деньги, банки смогут сформировать не менее 30 млрд руб. кредитных ресурсов, направляемых не только на потребительское кредитование, но и в инвестиционные проекты. Конкуренция заставит банки удешевлять кредит, что будет стимулировать потребление и развитие малого и среднего бизнеса. Во всяком случае, других банковских активов, непосредственно увязанных с экономическими интересами республики, в Чечне нет и в обозримой перспективе не будет.

Что касается инвестиционного фонда, то в его деятельности с учетом религиозного фактора можно было бы использовать некоторые элементы, присущие исламскому банкингу, в том числе: мушарака (партнерство по совместному финансированию проекта), иджара (лизинг), мукарада (облигации для финансирования проектов). Сам фонд мог бы функционировать по принципу сукук, т.е. как акционерное общество, выпускающее не акции с фиксированной доходностью, а облигации с доходностью, зависящей от реальных активов.

Кроме того, расширению инвестиционной деятельности фонда способствовал бы переток капитала из обыкновенного банковского сектора. Поясним это на примере. Допустим, что у населения появились временно свободные денежные средства в размере 1 млрд руб. При их размещении на банковских депозитах под 5 % годовых получится прирост в 50 млн руб., которые с исламской точки зрения являются запретными, но отказываться от которых все равно не хочется. Решить эту моральную и в то же время экономическую проблему в принципе можно. Достаточно с согласия вкладчиков перечислить прирост вкладов (в нашем примере 50 млн руб.) в инвестиционный фонд, который обменяет их на сукук, т.е. «исламские акции». Вкладчик банка становится, таким образом, одновременно акционером инвестиционного фонда и в таком качестве получит свою долю прибыли от промышленно-торговой деятельности фонда, разрешенной российскими законами и шариатом. Более того, имея возможность свободно покупать и продавать эти акции (сукук) по рыночной цене, население из простого созерцателя экономических процессов превратится в рыночного игрока, заинтересованного в общем успехе. Сегодня такая заинтересованность у населения Чечни есть только на моральном уровне. Конечно, отладить предложенный здесь финансовый механизм будет не просто, но в принципе он возможен и позитива в нем в разы больше, чем негатива. Надо только начать. Никто в мире не поверит в

инвестиционную привлекательность Чечни раньше, чем сами чеченцы.

Другие традиционные способы привлечения внебюджетных инвестиций, в том числе обнуление ставок налогов на собственные средства предприятий, направленных на обновление основного капитала, внутренние и внешние корпоративные заимствования, синдицированные кредиты и т.д., в практическом плане имеют ничтожную значимость.

Более перспективными (в контексте региональной специфики и кризиса на финансовых рынках) представляются такие специальные инвестиционные инструменты, как концессия, совместное с отечественными и зарубежными предпринимателями производство, лизинг, свободная экономическая зона. Каждый из этих инструментов имеет свои сравнительные недостатки и преимущества, но их основное достоинство состоит в том, что от региона не требуется серьезных денежных предоплат. Региональное участие сводится, главным образом, к имущественно-правовым аспектам. В то же время использование таких инвестиционных инструментов предполагает наличие достаточно развитой инфраструктуры: телекоммуникаций, электроснабжения, наземного и воздушного сообщения, страховых, банковских и юридических услуг. Важно также наличие относительно дешевой, но квалифицированной рабочей силы.

Опыт применения специальных инвестиционных инструментов в России есть, например, в Татарстане и Дагестане. Из 22 проектов, реализуемых в стране с 2010 г. в форме совместных предприятий с участием иностранного бизнеса, 4 проекта приходятся на Татарстан. В рамках этих проектов стоимостью 4,7 млрд руб. (50 % от всех проектов с совместными предприятиями в России) осуществляется строительство автозавода, шинного завода, ТЭЦ и автосборочной линии. Это пример диверсификации экономики республики, увеличения в ВРП доли производства с высокой добавленной стоимостью.

Концессионный проект реализуется в Дагестане, где строится стеклотарный завод стоимостью 3,9 млрд руб. Доля инвестора составляет 67 %, остальные 23 % приходятся на долю Инвестфонда РФ²⁹.

Масштаб инвестиционной программы Чеченской Республики предполагает активное использование широкого набора инвестиционных схем и инструментов, как испытанных в других регионах, так и оригинальных. Ведь помимо всего прочего, Чечне предстоит создать к 2025 г. ВРП с более высокой капиталоемкостью, чем по Се-

веро-Кавказскому федеральному округу в целом. В расчете на 1 руб. прогнозируемого ВРП Чечни приходится 4,9 руб. накопленных инвестиций, что в 1,7 раза больше, чем в среднем по Северному Кавказу. Реализовать программу с такой высокой степенью инвестиционной напряженности будет невозможно без помощи федерального правительства. Если республика с самым высоким в стране уровнем дотационности проводит политику, позволяющую ей переходить постепенно на уровень бездотационности, то федеральное правительство могло бы в качестве стимулирующей меры заменить часть планируемых внебюджетных инвестиций более выгодными инвестициями из федерального бюджета. Такая политика стала бы одним из факторов ускорения социально-экономического развития Чеченской Республики.

¹ Балацкий Е., Екимова Н. Финансовая несостоятельность регионов и совершенствование межбюджетных отношений // Общество и экономика. 2010. □ 7-8. С. 108.

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию 12.12.2012.

³ Курьянович Н.В. Россия и ВТО: актуальные вопросы экономического взаимодействия // Кавказские научные записки / РГТЭУ. 2012. □ 1 (10). С. 157.

⁴ Ра Ха Ев. Северному Кавказу нужны не деньги, а институциональные реформы // Общество и экономика. 2010. □ 10-11. С. 193.

⁵ Силаев Н., Соколов Д. Смерть городов // Эксперт. 2012. □ 49. С. 60.

⁶ Вавулин Д.А. К вопросу о необходимости развития региональных рынков ценных бумаг // Финансы и кредит. 2012. □ 8. С. 46.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. □ 47. Ст. 5489.

⁸ Зелинский Ю.В. Структура регионального госдолга: как не оказаться в тупике? // Деньги и кредит. 2012. □ 5. С. 38-39.

⁹ Стародубцева Н.Н. Территориальные особенности функционирования банковской системы России // Финансы и кредит. 2012. □ 6. С. 8-19.

¹⁰ Любимцев Ю.И., Галлямов Ф.Ф. Банковский сектор - формирование региональной конфигурации // Деньги и кредит. 2012. □ 10. С. 30.

¹¹ Дмитриев И.В. Повышение эффективности инвестиционного кредитования реального сектора посредством внедрения основополагающих принципов немецкой модели корпоративного управления // Финансы и кредит. 2012. □ 25. С. 70-71.

¹² Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: финансово-кредитные аспекты // Финансы и кредит. 2013. □ 1. С. 9.

¹³ Захаров В.К. Какие инвестиции служат развитию России // Финансы и кредит. 2012. □ 8. С. 11-20.

¹⁴ Финансы. 2013. □ 1. С. 4.

¹⁵ См.: Финансы и кредит. 2012. □ 23. С. 42-48; □ 38. С. 49-54; □ 45. С. 9-16.

¹⁶ Закон РФ "О банковской деятельности" от 2 дек. 1990 г. □ 395-1 (ред. от 27 дек. 2009 г.).

¹⁷ Коммерсант. 2013. 25 янв.

¹⁸ Общество и экономика. 2010. □ 10-11. С. 189.

¹⁹ Бешкорева В.Ю. Инвестиции в развитие Северного Кавказа // Финансы. 2012. □ 2. С. 15.

²⁰ Российская газета. Регион Северный Кавказ. 2013. 18 янв.

²¹ Манулейко В.В. Реализация методики оценки инвестиционной привлекательности региона и основные направления ее повышения // Финансы и кредит. 2012. □ 17. С. 46.

²² Регионы ждут сигналов / Д. Гумсков [и др.] // Эксперт. 2012. □ 24. С. 51.

²³ Эксперт. 2012. □ 50. С. 142.

²⁴ Подпрограмма 5. "Обеспечение устойчивого развития Чеченской Республики" государственной программы "Развитие Северо-Кавказского федерального округа" на период до 2025 г. С. 564.

²⁵ URL: <http://www.Chechenstat.gks.ru>.

²⁶ Подпрограмма 5. С. 568.

²⁷ Аганбегян А.Г. Инвестиции - основа социально-экономического развития // Деньги и кредит. 2012. □ 5. С. 12.

²⁸ Российская газета. Регион Северный Кавказ. 2013. 18 янв.

²⁹ Юзвович Л.И. Концептуальное обоснование инструментария финансирования реальных инвестиций // Финансы и кредит. 2012. □ 39. С. 48-59.

Поступила в редакцию 02.03.2013 г.